

Иван Аксаков

Мы глупы и бедны

Иван Сергеевич Аксаков

Мы глупы и бедны

«„Мы глупы и бедны“, – говаривал покойный князь В.А. Черкасский, или по крайней мере так выразился он однажды, лет 12 или около тому назад, на вечере, в беседе с друзьями, – и никто не возразил: все как будто признали правду этого горького слова. Что бедны, – это, кажется, не может подлежать и сомнению: бедны деньгами, бедны капиталами...»

Иван Сергеевич Аксаков
Мы глупы и бедны

«Мы глупы и бедны», – говаривал покойный князь В. А. Черкасский, или по крайней мере так выразился он однажды, лет 12 или около тому назад, на вечере, в беседе с друзьями, – и никто не возразил: все как будто признали правду этого горького слова. Что бедны, – это, кажется, не может подлежать и сомнению: бедны деньгами, бедны капиталами. Положим – бедность, по народной поговорке, «не порок»; тем не менее, ввиду несомненных же, несметных естественных богатств нашего необъятного государства, в виду, например, такого обстоятельства, что производящая в громадном количестве серебро и золото Россия именно-то и не имеет у себя в обращении ни золотой, ни серебряной монеты, тогда как ею изобилуют страны, где ни серебряных руд, ни золотых россыпей, – ввиду подобных роскошных принадлежностей русской бедности, неотступно напрашивается вопрос: почему же не впрок и не в помощь нам наши богатства?.. Что же касается глупости, то – заметим уже кстати – ее ведь также не в обычае сопричислять к порокам, хотя в одной старинной комедии и гласит такой стих (ка-

жется, уже однажды приведенный нами), в форме разговора между двумя лицами:

– Но глупость не порок?.. – Нет, все пороки в ней! Конечно, не к глупости прирожденной относится это восклицание, и не о ней было слово князя Черкасского: это уж дар природы, с которым не тягаются и который не судят. Но глупость глупости рознь. Иное дело, если человек умудрился стать глупым, родясь умным: тут едва ли есть место для неувменяемости. Не в таком ли положении и Россия? Мы обладаем, по общему признанию, неисчерпанным сокровищем народного разума, обилием разнообразнейших даров духа, – почему же, подобно богатству вещественному, не в пользу нам и родовое богатство духовное? Почему мы являемся в нашей общественной жизни и общественном делании столько же скудоумны, сколько и бедны, и как редка у нас золотая монета, так же мало у нас в публичном обращении и ума? О золоте по крайней мере хлопчат, хотя и не совсем удачно; в знак уважения даже золотую ренту недавно выпустили, – а на ум большого спроса что-то не видно...

Но прежде всего следует, конечно, установить самое основание вопроса, самый факт русского культурного скудоумия (потому «культурного», что не о массах народных может идти здесь речь, а о сверхнародном образованном слое). Предмет щекотливый, чувствительный и для многих, конечно, не бесспорный. Впрочем, сильного возражения едва ли можно и ожидать, если б вопрос наш был понят в том, исключительно, смысле, что он до публики, до интеллигенции вовсе и не касается, а метит собственно на «администрацию», на нее одну... Но мы такого строгого разграничения не придерживаемся, да по правде сказать, тут и грани нет. В самом деле, кто возьмется определить: где кончается «интеллигенция» и где начинается «администрация»? Много ли у нас «интеллигентов», которые бы не носили вицмундира и не отправляли какой-либо «должности»?.. Разумеется, было бы с полгоря, если б возможно было учинить такое (не любовное впрочем) размежевание, чтоб единственно на долю правительства достались все нелестные эпитеты, приличествующие нашей общественной в

широком смысле, то есть также и государственной жизни, а на долю публики, общества, интеллигенции – только лишь ум, чистота и неповинность! Тогда виноватый был бы налицо; над отысканием его и ломать голову было бы не для чего, – но дело обстоит совершенно иначе, горе наше несравненно сложнее и мудренее. Вообще нет ничего легче, да и удобнее, как сваливать вину за всякий общественный грех на правительство, и едва ли в какой стране так развита эта наклонность, как у нас, среди русского общества! Но что любопытно: та же черта замечается даже и внутри самой «властной сферы»! Редкий из ее деятелей признает себя вполне солидарным с правительством и обойдется в разговоре без порицаний по его адресу, – конечно, выгораживая себя самого. Разумеется, такое отношение самих деятелей к своему же деланию лучше самодовольства и самовосхваления, но нельзя же, кажется, и его признать нормальным.

Не следует ли видеть в этом указание, что вина не столько в индивидуальных свойствах лиц входящих в правительственный со-

став, сколько в самих порядках, вообще в чем-то ином, более общем, к чему причастны не они одни, но и все более или менее – умственный уровень самого русского общества или по крайней мере его значительной, выдающейся части, его «интеллигенции» в тесном современном значении этого слова? Не мы, конечно, призваны защищать правительство, да оно в нашей защите вовсе и не нуждается; но мы, впрочем, и не думаем его защищать. Мы только утверждаем, что если правительство виновато, то в равной мере с ним виновато и общество; что правительство, кроме редких случаев и эпох, есть только облеченное властью отражение общественного ума, то есть его господствующего склада и типа, в приложении к делу, к государственной жизни. Да кто же воспитывает, кто поставляет контингент действующих в правительственной среде лиц? Не само ли русское общество? Не прошли ли они все, установленным порядком, чрез общие для всех степени школьного образования и лестницы рангов?.. Признаться сказать, когда нам встречается свежееиспеченный вольнодумец XII, X, даже IX класса,

рьяно осуждающий администрацию, видящий в ней одной источник всяческих бед, – так и рвется навстречу ему вопль из груди: «Не горячись, воздержи свое негодование, юный чин! Пройдет служебного чередою год за годом, будет проходить тебе чин за чином, попадешь и сам *туда*, станешь и сам начальство, „администрация“ – и наглупишь, наглупишь!..».

Да, это не шутка, не ирония, а именно вопль, искренний, скорбный!.. Но не такой ли же вопль сомнения и недоверия начинает у нас слышаться и по поводу наших городских дум, уездных и губернских земств, – этой не казенной, а общественной администрации? Давно ли введение у нас так называемых «представительных учреждений» почиталось чуть ли не победою общественного мнения над бюрократическим общественным строем, а теперь к ним же со всех сторон несутся упреки в бюрократизме, формализме, бездействии или малоуспешности действий, и пресловутое «представительство обращается чуть ли не в театральное, более или менее неудачное *представление*»! Можно, пожалуй,

с некоторою долей справедливости, допустить, что деятельность нашего самоуправления парализуется отчасти несочувственным к нему отношением административных властей, но ведь не более как *отчасти*. Простору все-таки слишком довольно для проявлений практического, здравого *русского* толка, — а между тем никакою новою, плодотворною, меткою и дельною мыслью не ознаменовали себя ни наши думы, ни земства, и те немногие искры творческого духа, которые было вспыхнули там и сям, тухли мгновенно сами собою, не столько от правительственного гасительного снаряда, сколько от холодной росы общественного неразумия и равнодушия. Мысль же не творческая, не русская, не практическая, а абстрактная, вздорная, но зато «культурная», умела же и умеет ведь пробиваться или по крайней мере заявлять себя сквозь всякий правительственный гнет, сквозь чащу общественных предрассудков и иных препятствий! Не можем удержаться, чтоб из сотни образчиков не указать, курьеза ради, на самый новейший, на днях поведенный и горячо приветствованный, во имя

«прогресса», газетою «Новости»: Купянское земство становится отныне наравне и рядом с самими Джон Стюарт Миллем и Брайтом! Хотя, по всей вероятности, в Купянском уезде, как и повсюду, пути сообщения никуда не годны, врачебная часть из рук вон плоха, школ недостаточно, недоимок вдоволь, но «чем богаты, тем и рады», а Купянское земство, по всему видно, богато – «культурой».

По уверению «Новостей», оно в предстоящую сессию намерено провести предложение о предоставлении женщинам права непосредственного участия в земских выборах, а следовательно, и права быть избираемыми во все земские должности!.. Пожалуй, – грустно замечает глубокомысленная газета «Новости», – на практике в дальнейшем применении эта высокая мысль споткнется о какие-либо препятствия... Ну как же не согласиться с сим «органом либеральной печати» (как сами «Новости» себя величают), что наша передовая «интеллигенция» есть истинно верная, законная представительница разума и идеалов русского народа, то есть и русского мужика, который, должно быть, и спит и ви-

дит, чтоб во главе земских управ и иных земских учреждений стояли культурные бабы!.. Не в такой грубо-наивной форме, но того же пошиба и той же умственной силы большая часть «прогрессистских» речей, раздающихся ныне в залах думских и земских собраний... Но разве одно только официальное «самоуправление», свидетельствуя о какой-то роковой общественной нашей несостоятельности, наводит на общественный дух уныния? Возьмем одно из бесспорно наилучших нововведений – именно гласный суд, – учреждение, правда, заимствованное, не лишенное существенных недостатков, но обладающее зато и такими высокими достоинствами, что заслуживало бы внимательного, почтительного, хотя бы и вполне строгого к себе отношения: можно было бы ожидать, что под воздействием серьезного, умного общества исправились бы недостатки, отбросилось бы все фальшивое, а доброе бы видоизменилось и развилось согласно с особенностями национального духа.

Но что же мы видим? Точно будто кто-то поставил нам задачу: всячески скомпромети-

ровать, уронить, затоптать в грязь отправление правосудия в нашем обществе и всемерно доказать, что «общественный контроль» в России есть только один из новых видов и факторов лжи! Во что обратился у нас институт адвокатов, пользующийся таким всеобщим уважением на Западе (откуда он нами и заимствован)? Почетным или не почетным стало у нас это название?! Не дал ли самому себе и своим товарищам один из корифеев адвокатуры, во всеуслышание и хвастливо, при каком-то торжестве, гениально меткое определение «прелюбодеев мысли» (прибавим – *наемных*) Он знал, этот корифей, что пред русскою интеллигентною публикою таким качеством можно лишь похвалиться, даже стяжать от нее аплодисменты!.. А эта самая публика – приветствующая священнодействие судящей совести пошлостью шумных рукоплесканий, точно на балаганном зрелище, и венчающая нахальных развратниц, убийц, воров и казнокрадов (не оправданных, но лишь почему-либо не подвергнутых наказанию присяжными) восторженными овациями как доблестных невинных страдальцев,

как чистейшей добродетели чистейшие образцы?.. А эти присяжные, столь слабые сердцами и столь некрепкие нравственным смыслом и тем менее крепкие, чем они «культурнее»?.. С другой стороны, сами обличители судебных грехов, нередко правые в своих частных обличениях, своим запальчивым неправым обобщением, огульным осмеянием, постоянным безразборчивым глумлением роняют достоинство публичного правосудия и там, где оно отправляется вполне совестливо и правильно, и во имя консерватизма подрывают авторитет судебной власти – не в частности только, а вообще, – рушат, в самом ее основании, чуть ли не единственную опору и без того расшатанного нашего общежития, ничего не давая взамен, ничего не указывая, кроме разве мерзостной кривды старого времени!..

Вообще удивительна эта способность русского общества – все истаскать, истрепать, обезобразить, опошлить, унижить, выгрязнить, и потом вовсе не из благородного негодования и не после напрасных упорных усилий упрочить, уберечь доброе, отринув злое и

ложное, а так... из легкости или бескоренности мысли, из необыкновенной развязности чувств и совести, из мелкодонности душевной! Невольно вспоминается отчаянный возглас Гоголева городничего: «Что за город! Только поставь какой-нибудь монумент или просто забор, Бог их знает, откуда и нанесут всякой дряни!». И мы это свойство сами за собой ведаем, до такой степени ведаем, что скептически, уже вперед, относимся ко всем собственным благим и, сперва, как будто удачным начинаниям! Еще единоличные энергические усилия талантливых людей успевают иногда довести до благополучного конца свое предприятие, но и только: унылым скептицизмом сжимается сердце каждого из нас при одном слове: «комиссия», «комитет», «общество», и воображению каждого рисуется, при этих звуках, что-то речисто бесплодное или и совсем мертворожденное, даже и без речей!

Не правы ли мы были, утверждая, что наше общество или наша интеллигенция никак не может умыть свои руки и почитать себя безгрешною, валя всю вину на правитель-

ство, но что весь наш так называемый «культурный слой» равномерно ответствен за настоящее положение нашего отечества, за ту скудость умственного ингредиента, которая составляет такую отличительную особенность нашей публичной жизни и публичного делания? Вернее сказать: оба эти двигателя русской жизни, обе эти «несостоятельности», административная и общественная, сочетаясь или даже взаимно помножаясь, представляют одно общее солидарное целое, которое именно как *целое* и должно привлекать на себя взоры исследователей...

«Несостоятельность» эта существует не только как факт, но и проникла в наше самосознание, живет в нас самих на степени убеждения и даже непроизвольного внутреннего инстинкта, нередко определяющего наши действия. Не мы ли сами, в насмешку над самими собой, сложили легенду о «русском Боге», потому будто бы и покровительствующем нам, русским, что сами мы умом беспомощны, а «немец, да англичанин пробавятся-де и своим умом»? Не мы ли сами готовы отступить со страхом от всякого дела, где требуется

работа не грубой только силы, а интеллекта? Не объемлет ли нас всех некий трепет, как скоро приходится нашей дипломатии, например, состязаться с европейскою? Не пугало ли, не пугает ли многих и теперь, ну хоть бы по поводу Константинополя, такое раздумье, что взять-то его штыком и грудью русского солдата, пожалуй, и немудрено, да взявши не будем мы знать и уметь – как с ним управиться, кем и чем? Какими умственными орудиями и ресурсами? Не петербургскою же канцеляриею, не яхт-клубом, не нашею же космополитическою и доктринерствующею интеллигенцией и даже не Купянским земством? Опыты, учиненные нами, способны внушить нам только робость и разохотить браться не за свое дело, то есть за дело, требующее некоторой мудрости и даже просто умения: стоит только припомнить прошлую войну и ее результаты! Как только перейдена была, повторим снова сказанное нами в прошлом номере [1], грань непосредственного народного действия, как скоро началось действие умственное, зависящее от руководящей интеллигенции, так и сорвалась Россия в пучину срама!

«Все что сделано было Россией истинною, народною, историческою – было разделано Россией официальною, подделанною, искусственною, культурною!». Вздумали мы устоять Болгарию и, желая показать себя «на высоте требований современного прогресса», желая даже щегольнуть, за чужой счет, либерализмом и европеизмом наших государственных воззрений, взяли да и сочинили для нее, ничтоже сумняся, в столице самодержавного царства, в казенных петербургских, на все гораздых канцеляриях, при помощи канцелярских справок с учеными книжками, а также и профессоров (это ли не авторитеты!!) «конституцию», – наши потом государственные ребята там на месте ее порасширили!..

Одним словом, распорядились так, что если не погубили, то надолго искривили развитие освобожденной нами страны, исфальшивали ее государственное и общественное бытие и в конце концов чуть было не уронили в Болгарии обаяние и нравственную власть русского имени! Говорить ли о том, как скользят по нашей умственной глади, нигде не за-

цепляясь, грозные уроки истории? Как, через несколько лет по усмирении польского кровавого мятежа, мы воспылали к Муравьеву тупоумною ненавистью, не только не подвинули вперед дело, начатое им в Северо-Западном крае, но снова предали и предаем эту исконно русскую землю в жертву враждебному нам польскому и католическому элементам, которые сами же усиливаем? Напоминать ли о том, как мы полячим Литву, как немечим насильственно латышей и эстов, как разводим германскую колонизацию вдоль своей окраины, как ухитрились утратить свое обаяние даже для Китая, как подорвали и продолжаем еще подрывать свою торговлю и промышленность фритредерским тарифом, страха ради ретроградства и из добровольного угодничества пред «культурными» соседями, – как... Но не исчислить всех деяний нашего неразумия, нашего ущербленного здравого смысла!.. Каждый новый номер газеты, какого бы то ни было направления, приносит с собою какой-либо новый диковинный «анекдот», достойный слез и смеха... И такими комическими сказаниями, трагически

отозвавшимися на бытии русской земли, можно было бы наполнить чуть не целые тома in folio, сказаниями, свидетельствующими о систематически роковой несостоятельности нашей, – то есть культурных руководителей русского народа... Но будущий слагатель этой специальной истории прежде всего должен будет отметить тот немаловажный факт, что она начинается лишь с XVIII века... Но разбирая эту скорбную хронику, он не может не поразиться ее резким противоречием с свойствами и качествами самого русского народа. Ведь умен он, этот народ, – это признают за ним все авторитетные иноплеменники, по сравнению с простонародьем своих стран; откуда же неразумие? Он отличается именно здравомыслием, – и именно простого, здравого смысла и недостает нашему образованному сверхнародному слою. Он практик и реалист, при всем религиозном своем идеализме, – мы же витаем в отвлеченности, в абстракте, и лишены именно реального понимания жизни; он своеобразен, самобытен духом, – мы же чужды всякого самостоятельного творчества и, как подсолнечник к солнцу,

так вечно поворачиваемся и мы нашею слабостью и робкою душою к чужим образцам.

Рядом с величием русской державы, созданной его зиждительным историческим духом и им же охраняемой, выступает ничтожество руководящей мысли; рядом с этим гигантом-народом, считающим себе тысячу лет исторического бытия – пигмеи, во образе «интеллигенции», можно бы сказать. Что у этого железного колосса верхняя часть глиняная! Конечно, она одна, эта сверхнародная интеллигенция, по своей беспочвенности и нравственной дряблости, бессильна остановить рост великого народа и изменить его исторический маршрут. Россия, наперекор всем препятствиям, поставляемым внешними обстоятельствами и интеллигентною опекою, все же не переставала пробиваться, хотя бы и с трудом, вперед по своему пути, не переставала расти и шириться, увлекая подчас своим движением и верхние свои классы, до которых (только в некоторые, впрочем исторические, величавые моменты) досягала снизу волна исторического духа, – но чего же стоили всякий раз России такие исторические ша-

ги! Сколько напрасной крови и жертв и как быстро освобождались потом мы, культурные люди, от такого наития истории и из зрячих становились снова слепцами!

Какая же однако причина такой ненормальности нашего развития? Откуда в нас, образованной и поэтому, казалось бы, лучшей части народа, такая неумелость, неспособность, несостоятельность, а подчас такая горькая, горькая глупость?

Ответ на предложенный вопрос можно было бы поискать не только в истории, но и в психологии народной, и еще глубже, пожалуй, в духовных свойствах Востока и пр., и пр.; но, не пускаясь в такие отдаленные исследования, мы наметим вкратце ближайший ответ. Прежде всего оговоримся, что для нас вопрос не в том, *кто* виноват, а *что* виновато. Ответ же наш отчасти уже подсказан некоторыми вышеприведенными выражениями о России «истинной, исторической», и России «не настоящей, искусственной», да и самым противоположением (впрочем не произвольным, а продиктованным фактами) русского народа его культурному слою.

Мы уже упомянули, что история этого нашего неразумия или скудомыслия начинается с XVIII столетия. Действительно, древняя Русь была груба, невежественна, слишком причастна татарской практике, но глупою она не была. Никто, конечно, не признает глупости в политике московских князей и царей, Ивана III или Ивана IV например, – да и позднее. Полагаем, ни Иваны, ни даже Годунов не затруднились бы и в наши дни разрешением смущающих нас вопросов внешней политики и сумели бы управиться, во благо русской державе, со всякою вновь приобретенною нами землею. Не то было бы теперь с Прибалтийским краем, если бы Грозному удалось довершить свое завоевание... Вообще все присоединенное древнею Русью пристегнуто ею крепко и неразрывно. Русская колонизация допетровских времен совершила обширные, прочные мирные завоевания, ставя в самых отдаленнейших пределах села, церкви и монастыри (которые мы теперь упраздняем); жизненная сила национального духа была такова, что всякая окраина сражалась органически плотно с государственным телом. Со-

вершенно не то – со всеми завоеваниями России с XVIII века: они до сих пор или еще не срослись, не претворились в нераздельную часть нашего организма, или же плохо заселены и колонизованы, да и колонизованы-то большею частью приглашенными иностранцами, без пользы для государства. Этот факт налицо... Впрочем даже и в начале XVIII века еще не успел тотчас вполне избыть во всех русских деятелях дух народный, древний дух исторический; цивилизация еще коснулась только внешности, не извратила еще совсем их умственного склада, не выпорожила на чисто из памяти предание старины.

Так, дипломаты, например, времен Петра, Елизаветы еще отличаются здравомыслием, деловитостью и сознанием своего народного достоинства. Екатерина II силою своего личного ума еще способна ценить эти свойства и отчасти поддерживать их. Но по мере того, как русские руководящие классы становятся культурнее и цивилизация проникает их духовное естество, все более и более скудеет творческий государственный разум, сильнее мутится здравый смысл, трещина, данная

русскому организму петровской реформой, все шире расседается, родная земля уходит из глаз, история – из памяти, и, по замечанию И. Е. Забелина (в N 24 «Руси»), XVIII веку под конец не только XVI, но и XVII век становятся совсем непонятны. С начала же XIX столетия, особенно с водворением бюрократического режима, заимствованного у Франции пресловутым Сперанским, наша отчужденность от народа и народности, наша неспособность уразуметь живой смысл русской действительности быстро направляются к своему апогею, и раздвоение России на настоящую и ненастоящую, на подлинно историческую и поддельную, выступает во всей своей яркости. К этой первой, настоящей и подлинной, России принадлежал и продолжает еще, слава Богу, принадлежать (пока еще не сбили мы его с толку) русский народ, в тесном значении этого слова, спасая себя и нас... В сущности, после Петра, только то в исторической жизни России за эти без малого два века и было велико и плодотворно, что так или иначе обуславливалось непосредственным участием народа, – то действие, где приходилось или

ему самому выступать деятелем, или же самой правящей интеллигенции с ним считаться, применяться к его весам и мере. Все же остальное носило на себе печать неумелости, невежества родной страны, ее истории, ее потребностей, ее заветов, печать антинациональности, мертворожденности, и вместе с тем – пошлости, пошлости беспредельной и мощной...

И как бы ни кичились мы, сверхнародные общественные классы, своею культурою, не можем мы заглушить в себе болезненного, тоскливого чувства, что мы живем жизнью *не настоящею*, что вот мы уже чуть не двести лет все что-то представляем, все силимся чем-то *казаться*, но не умеем *быть*, – что пошлость, разъедающая пошлость, как казнь, преследует нас по пятам! И вот, даже и к концу XIX века, обретается вся наша интеллигенция расписанною по табели о XIV немецких рангах, и столицею русского народа и Святой Руси – город с немецким прозвищем, чуть не за русским рубежом, где-то на Ингерманландской трясине лицом к Европе, задом к России: достойная иллюстрация этого исторического

периода! Однако, какой же из этого следует вывод? Не тот ли, что чем культурнее, тем слабоумнее, чем сильнее цивилизация, тем слабее здравый смысл? Вывод, по-видимому, чудовищный. Неужели и в самом деле Нам просвещение не пристало, И нам осталось от него *Жеманство* – больше ничего!

Предвидим заранее взрыв негодования, особенно со стороны тех, что числят себя «на уровне европейского прогресса», и целый поток соответственной брани и обвинений в мракобесии, во вражде к науке и просвещению и т. д., и т. д. Но такому дешевому и притом самодовольному негодованию отдадутся лишь именно те, коих можно признать по преимуществу представителями «глупости», той исторической глупости, о которой идет наша речь. Не с ними и наша беседа; вопрос поставлен не нами, а самой жизнью и требует разрешения. Что же, культура ли виновата, мы ли, русские, виноваты, оказались не способными к культуре?.. Но западноевропейская культура там, у себя на Западе, не только не оказывает такого печального, отрицательного, разрушительного воздействия на обще-

ство, как у нас, но укрепляет ум и волю, раскрывает и развивает внутреннее содержание народного духа и приносит, правда рядом и с гнилыми, обильные благие плоды. Значит ли: только *нам* она не годится? Но почему? Потому ли, что она западноевропейская, чужая, и собственно к ней-то мы оказываемся неспособными? В таком случае следовало бы предположить, что мы способны были создать свою особенную культуру, помимо Запада, и не создали ее только по какой-то оплошности, случайно взяв налево вместо того, чтоб пойти направо? Хотя бы и можно было поискать ответа и на этот вопрос вне готового исторического решения, но эти поиски завели бы нас слишком далеко, к новым вопросам о свойствах и мировоззрениях, религиозных и жизненных, Востока и Запада, о роли того и другого во вселенском развитии человечества и т. д. Ограничимся же решением историческим, тем более что ни прочие восточные или православные славянские племена, позднее нас выступившие на арену истории, ни даже современные греки, с прирожденным им, по видимому, духовным наследством Эллады и

Византии, не проявляют признаков самостоятельной культуры.

Нет сомнения, что так называемая западноевропейская «культура» – достояние общечеловеческое, тем более, что она и не есть создание одного Запада, как у нас теперь привыкли его определять, а восприняла в себя и весь культурный подвиг древней Греции, и все умственное и духовное богатство Рима, и с Востока свет веры Христовой; она – *этап* на пути всемирно-человеческого просвещения, – которого, стало быть, миновать нам было невозможно.

«Там солнце мудрости встречали наши очи!» – говорит Хомяков про Запад, призывая «дремлющий Восток» к пробуждению... Но дело в том, что не все в западной культуре принадлежит к области всемирно-исторической и общечеловеческой: на многом лежит характер местный, случайный, временный и чисто внешний. Прежде же всего необходимо точнее определить этот термин «культура», которым вытесняется теперь старый термин «цивилизация» и который в обиходной речи употребляется безразлично – вместо слов «обра-

зование» и даже «просвещение». Однако, в сущности, эти два понятия: «культура» и «просвещение» – вовсе не тождественны. Собственно ведь только *просвещение* «есть на потребу», и если можно спорить о том, способен или не способен такой-то народ к культуре, то едва ли можно усомниться в способности какого бы то ни было народа к просвещению наукой и знанием, – раз он мог воспринять свет истинной веры и устранены внешние препятствия к его развитию. Различие между обоими терминами можно всего лучше пояснить наглядно. Странно было бы выразиться, например, про кафешантаны, каскадные песни и тому подобные развратные зрелища, что они «плод *просвещения*»; но что они плод современной цивилизации или культуры нравов, это выражение верно. «Культура» в сущности – понятие внешнее, чуждое определенной нравственной подкладки и даже определенного содержания. Этот термин, взятый из области садоводства, означает возделку, обработку, воспитание. В высшем своем смысле, в связи с идеей просвещения, он знаменует собою, пожалуй, возделанный, воспитанный ве-

ками ум человечества; но в обыкновенном значении под ним разумеется отражение возделанной знанием мысли и духа в людском общежитии, – утонченность нравов, инстинктов и вкусов, безразлично в каком – добром или недобром смысле. Известно, что слишком усердная культура губит растение. Яблоня холёная, гретая, выросшая в навозе, даёт плоды вкуснее и нежнее яблони, выросшей на воле, в природном грунту, – но первая хилее и кратковечнее...

Великому историческому организму, какова Россия, призванному ко всемирной роли, неминуемо было приобщиться общечеловеческого просвещения, и поработать ему самостоятельно всеми дарами своего народного духа. Призвание России, как уже выразились мы однажды, примирить в себе односторонности Востока и Запада, претворить духовные богатства того и другого в одно великое целое. Но тут-то, при столкновении с Западом, и вышло роковое *qui pro quo*. Вместо *просвещения* мы погнались или нас погнали прямо за *цивилизацией* или культурой, в её чисто внешнем смысле, не различая общечеловече-

ского от местного, национального, вечного от временного, неперменного от случайного; при этом мы отреклись или нас принудили отречься от себя самих, от своей народной личности, от своих исторических преданий, даже от права на свою духовную самобытность. Культура явилась к нам именно как *чужая*, а не как общечеловеческое достояние, – явилась притом с презрением и враждой к хозяевам дома, не как гостя, а как госпожа. Она не свободно, не органически прививалась к стране, а при помощи самого грубого, жестокого, поистине варварского насилия, налагая на просвещаемых цепи духовного рабства... Зато и подражание истинно рабское, обезьянство в подлинном смысле слова, извратило весь основной дух государственного строя, исказило его до самых мелочей...

Добрый чернозем навозить – только портить; для того чтобы семя пустило рост и уродилось, нужно чернозем лишь глубже вспахать. У нас такого глубокого вспахивания в родной почве не производилось, а выделивши часть чернозема (оставив, к счастью, прочее необъятное пространство с народными

массами впус­те), сооруди­ли одну ко­ло­с­саль­ную ка­зен­ную оран­же­рею, куда и за­гна­ли «гос­под» или вы­с­шие об­щес­твен­ные клас­сы, куда и не по­ща­ди­ли на­во­за, луч­шей куль­ту­ры ра­ди. Две­ри в оран­же­рею бы­ли, впро­чем, от­кры­ты и для низ­ших сос­ло­вий, но все при­об­щав­шее­ся к «куль­ту­ре» не­мед­лен­но ста­но­ви­лось слу­жи­лым, по­луча­ло ранг, по­ступало в «гос­по­да». Од­ним сло­вом, вся на­ша куль­ту­ра взя­та бы­ла в ка­зну; рус­ское про­све­ще­ние вы­росло не в грун­ту; рус­ская ин­тел­ли­ген­ция – пи­то­ми­ца ка­зен­ной теп­ли­цы. Са­до­вник же был бо­лее усер­ден и тя­жел на ру­ку, чем ис­кусен, то­же ведь по­на­слыш­ке, да на­гляд­ке, кое­как по­учил­ся и не успе­вал, да и не все­гда уме­л разоб­рат­ся ни в се­менах, ни в ис­кус­твен­ных удо­б­ре­ни­ях, так что под­час вме­сто слад­ко­го го­рош­ка – гля­дишь: чер­то­по­лох, вме­сто апель­си­на – тык­ва!.. А кругом оран­же­рей, с ее ис­кус­твен­ным воз­ду­хом и на­во­зом, с ее слабосиль­ны­ми де­ре­вья­ми – за­бро­шен­ные черно­зем­ные по­ля, пол­ные рас­титель­ной мо­щи, ж­ду­щие толь­ко доб­рых се­мян! Ес­ли кто от­туда, из на­род­ных масс, ко­гда­ли­бо воз­жа­ждет про­све­ще­ния – не удо­бно ли в теп­

лицу, с чистого чернозема на навоз, в спертый воздух, где и произрасти чахлым и дряблым растением!..

Но бывало, что поднавозный природный грунт проявлял-таки свою силу, и вырастали неожиданно деревья мощные, которым душно и тесно становилось в теплице, которые нехотя кривились и изгибались в своей тюрьме и успевали подчас просунуть свои крепкие ветви на вольный простор, сквозь щели расседающейся от времени оранжереи... Да, являлись высокие, чудные таланты и в нашем «культурном» слое, и вынуждены были они поневоле кривиться и изгибаться, и не могли достигать полноты подобающего им развития, благодаря своей неестественной, отрешенной от родной народности атмосфере. История нашей литературы и нашего искусства есть именно история этой борьбы талантов с фальшивыми условиями культуры, – и чем сильнее талант, тем болезненнее и тоска его по родной почве, тем напряженнее усилия вырваться на простор из своей культурной темницы. Потому-то и замечательна наша историческая «глупость», что людей не

только даровитых, но и умных, и даже ученых, у нас немало (хотя слабоумие и гниломыслие – богатство!); но в том и горе, что этот ум, даровитый, даже обогащенный наукою, воспитывается, развивается, мыслит, творит в отвлеченном пространстве, в атмосфере искусственной, без прикосновения с живым воздухом, без непосредственной органической связи с родною реальною жизнью, – а потому и нет в нем здоровья, и весь проникается он отрицанием... И какими призраками, какими фантазиями, какими абстрактами – дикими, нелепыми, чудовищными, населена эта атмосфера, – от насаждения кукурузы в Архангельске до аристократических на английский манер конституций, до бессознательного предательства, измены родной стране, до белой горячки замыслов революционного нигилизма! И из этой-то теплицы, с ее подчас тропическою температурой, даже по сей час вербуются сеятели для нашего холодного климата, вербуются чиновники и сановники для управления русским народом и русскою землею!

Просим извинения у читателей, что слыш-

ком, может быть, увлеклись метафорической формой. Но полагаем, что при ее помощи всего яснее раскрывается причина: почему мы в нашей публичной жизни и публичном делании так печально, так трагически *несостоятельны*, почему – как и золота – так мало у нас в обращении и *ума*, почему могло сказаться и никого не удивить горькое слово «мы глупы и бедны!». Правда, оранжерея наша приходит все более и более в ветхость, разросшиеся насаждения все сильнее выпирают стекла и стены, – но этого недостаточно. Всего умнее в настоящее время открыто сознать и признать это наше невольное скудоумие как плод нашей оранжерейной культуры, и устремиться к тому, чтоб просвещения семена падали прямо в грунт глубоко, в чернозем родной почвы и возрастали на родном, вольном воздухе. Нет, поэтому, большего врага истинного, плодотворного для России просвещения и более болезненного продукта русской казенно-тепличной культуры, как та наша «интеллигенция», которая наипредовольна собою, горделиво сама себя величает этою кличкой и, исповедуя космополитизм, прези-

рая русскую духовную самобытность, плюя на русские исторические предания, на все, чем в сущности живет, держится и нас самих спасает народ, мнит себя быть истинной представительницей русского народного ума и народной мысли и вопит благим матом, при всяком обличении ее глупости, что «Русь» компрометирует в глазах народа науку и просвещение!! Дошли ли мы, одаренные и умом, и всяким духовным богатством, до предела своей умственной и духовной несостоятельности? Или наша «историческая глупость» ни в сфере «интеллигенции», ни на поле бюрократическом – еще не сказала своего последнего слова?..

Примечания

1

См. предыдущую статью («О настоящем значении наших древних земских соборов»).

[^^^]